

УДК 81'367.622.12 + 801.81+398.21+811.512.37

А.Т. Баянова

КАТЕГОРИЯ ОБРАЩЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (на примере сказок в записи Г.Й. Рамстедта)

В статье освещаются вопросы функционирования грамматической категории обращения в калмыцком языке. Актуальность проводимого исследования состоит в том, что обращение тесно связано с национальной картиной мира, являющейся основой мировоззрения, целостного и органичного взгляда на мир определенной национальной общности. Особенности менталитета народа, специфические национально-культурные черты, свойственные этнокультурному сообществу людей, накладывают особый отпечаток и на характер обращений, существующих в языке.

Основой для изучения рассматриваемой категории языка послужили аутентичные тексты калмыцких сказок в записи финского ученого Г. Й. Рамстедта, совершившего экспедицию в Калмыцкую степь в начале XX в. с целью сбора и дальнейшего изучения фольклора калмыков.

В результате анализа выявлены закономерности применения обращений в фольклорном тексте и способы его выражения. Автором дана классификация обращений, исходя из общей семантики лексем, а также показана частотность употребления выявленных групп лексем в конструкции обращения в зависимости от жанра сказки. Проанализированы позиции обращений в предложении и обосновано препозиционное положение вокативов. Рассмотрены фонетические, лексические и грамматические средства и приемы, используемые в обращениях: долгота гласного, повторы, наличие междометий и притяжательных частиц. Исследованы структурные особенности обращения, выявлена и обоснована частотность нераспространенных и распространенных двучленных обращений.

В рамках широко исследуемых в последнее десятилетие проблем межкультурной коммуникации, речевого поведения и этикета исследование категории обращения как важной коммуникативной единицы языка вызывает неоспоримый интерес в филологической науке как с точки зрения теории коммуникации, так и с позиции лингвокультурологии.

Ключевые слова: калмыцкий язык, калмыцкая сказка, фольклорный текст, категория обращения, лингвокультурология, лексема, Г.Й. Рамстедт, частотность обращений, распространенное обращение, нераспространенное обращение.

1. Введение

По мнению Ю.М. Лотмана, культура живет в текстах, форма которых обладает культурно-маркированной спецификой [15. С. 436]. И, прежде всего, это проявляется в вербальных элементах текста, в частности в этикетных формулах (обращениях, приветствиях и т. д.). Обращение является одним из коммуникативных средств, с помощью которого регулируются «представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимоотношениях» [1. С. 157]. Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей употребления обращений и способов его выражения в фольклорных текстах, созданных на калмыцком языке. Актуальность проводимого исследования состоит в том, что обращение тесно связано с особенностями менталитета народа и имеет специфические национально-культурные черты, характерные для этнокультурного сообщества людей. В свете широко изучаемых в настоящий период проблем межкультурной коммуникации, речевого поведения и этикета исследование категории обращения как важной коммуникативной единицы языка вызывает неоспоримый интерес как с точки зрения теории коммуникации, так и с позиции лингвокультурологии.

2. Материал исследования

Материалом для исследования послужили тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г.Й. Рамстедтом во время фольклорной экспедиции по Калмыцкой степи в 1904–1905 гг. Объем проанализированного практического материала позволяет выявить основные закономерности употребления обращений.

3. История вопроса

Обращение как одна из форм выражения речевого акта является объектом лингвокультурологического исследования в контексте изучения коммуникативного акта и речевого этикета. Оно обладает яркой языковой и национально-культурной спецификой. Анализ с привлечением обширного ма-

териала сказок, открывает новые аспекты изучения обращений как источника сведений о фрагментах региональной языковой картины мира.

Под обращением понимается «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь» [25. С. 227]. Более четкое определение понятию обращения дается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре: «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [14. С. 340].

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой объясняется функция обращения: «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь» [2. С. 265].

Существуют различные подходы в изучении обращения в лингвистике. Теоретические проблемы обращения как грамматической категории, его основные синтаксические особенности достаточно хорошо изучены известными учеными-лингвистами А.А. Шахматовым [33]¹, А.М. Пешковским [22], В.П. Проничевым [23], Н.С. Валгиной [5], В.В. Виноградовым [7] и др. Функциональные аспекты обращения рассмотрены в исследованиях О.А. Мизина [16], Г.В. Тоценко [31], И.М. Наумовой [19], В.В. Звягинцевой [11] и др. Как компонент речевого акта данную категорию изучали Л.П. Рыжова [26; 27], О.Г. Минаева [17] и др. В рамках исследования речевого этикета к рассматриваемой категории обращались Л.А. Введенская [6], В.Е. Гольдин [8], Н.И. Формановская [32].

В калмыцком языкознании обращение является практически не изученным, хотя как одна из формул речевого этикета обращение фрагментарно рассматривалось в рамках исследования калмыцкого речевого этикета С.Н. Артаевым [1. С. 158]². В «Грамматике калмыцкого языка» У. У. Очирова дается определение обращения (*дуудвр*): «слова или сочетание слов, грамматически не связанные с членами предложения, представляющие собой обозначение лиц, к которым адресует говорящий свою речь» [21. С. 177-178].

4. Результаты исследования

В текстах сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом, методом сплошной выборки выявлено 254 обращения, которые введены в структуру диалогической речи персонажей сказок³. Количество обращений в зависимости от жанра сказок существенно отличается. Обращения чаще всего используются в волшебных сказках (166), в богатырских и бытовых — их значительно меньше (51 и 36 соответственно). Ни одного обращения не выявлено в единственной сказке о животных. Бытовые и богатырские сказки не имеют развитого сюжета («сюжет развивается благодаря столкновению не с волшебными силами, а со сложными жизненными обстоятельствами»), в основе их лежит «народный повседневный быт», действие развивается «в одном пространстве», отсюда и меньше персонажей, которые не требуют персонализации и индивидуализации [12. С. 157-158]. Множество персонажей, изображенных в волшебных сказках, предполагает наличие в этом жанре динамичного сюжета, активных отношений и взаимодействий, что отчасти отражается в диалогах.⁴

Все обращения можно условно разделить на 9 групп (блоков), исходя из общей семантики лексем:

1) лексемы, обозначающие степень родства: *аав* 'отец', *ээж* 'мать', *ээж-аав* 'мать-отец (родители)', *ах* 'старший брат', *дү* 'младший брат', *эгч* 'сестра', *баав* 'дядя по отцовской линии', *авһ* 'дядя по материнской линии', *бер* 'невестка';

2) лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей: *өвгн* 'старик', *эмгн* 'старуха', *залу* 'мужчина', *көвүн* 'мальчик', *күүкн* 'девочка', *кукн* 'дитя';

3) лексемы, обозначающие совокупность предметов, людей: *улс* 'люди'

¹ А.А. Шахматов, как и многие лингвисты, утверждает, что обращение — это «слово или словосочетание, соответствующее названию 2-го лица, лица, к которому обращена речь говорящего», но «в ряде случаев можно признать особым видом предложения», где содержится «призыв лица, ... или предостережение, ... или упрек» [33. С. 261].

² Под этикетом, Н. И. Формановская, к примеру, понимает систему «национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения» [32. С. 2].

³ Анализ персонажей калмыцкой сказочной традиции и номинации персонажей, которые используются в тексте сказок как обращения, подробно описан в статье «Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом)» [9. С. 128–140].

⁴ Отметим, что количество бытовых, богатырских (10) и волшебных (12) сказок примерно одинаково.

4) имена собственные персонажей сказок: *Нег бэрм*, *Хойр бэрм*, *Гурвн бэрм*, *Ухр өвгн*, *Аю Чикт*, *Шар Күрмн*, *Намжл Бумб*, *Көк Арсн*, *Марс Хар*, *Бөөргин Бөкн Цаһан*;

5) лексемы, обозначающие социальный или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должности): *манж* ‘манджик’, *гелц* ‘гелюнг’, *хан* ‘хан’, *лам* ‘лама’, *нойн* ‘нойон’, *тушмл* ‘сановник’;

6) Лексемы, передающие коннотацию адресанта к адресату: *шулм* ‘шулма’⁵, *элмр* ‘негодник, негодяй’, *хэамнь* ‘бедняга’, *көгшн зүгдг* ‘старый недотепа’⁶, *кишго күн* ‘негодник’, *көгшн доско*⁷ ‘старый негодник’, *көөркс* ‘бедняги’;

7) лексемы, обозначающие природные объекты: *теңэр* ‘небо’, *һазр* ‘земля’;

8) лексемы, обозначающие животных: *барс* ‘барс’, *һард* ‘орел’, *тул* ‘кит’, *темэн* ‘верблюд’;

9) условно называемые безличные обращения, не относящиеся ни к одной из вышеназванных семи групп: *һазрин чичэч* ‘роющий землю’, *дала балһач* ‘выбирающий [воду] из океана’, *һар уга* ‘безрукий’, *сохр* ‘слепой’, *нүдн уга* ‘слепой’.

Обращения могут содержать несколько семантических признаков. Например, обращение *ээж* ‘мать, бабушка’ содержит семантический признак пола (женщина) и возраста (старая), обращение *манж* ‘манджик’ – пола (мужчина) и социального статуса (священник), *хан* ‘хан’ – пола (мужчина) и титула, обращение *көөрк дү көвүн* ‘бедный мой младший брат’ – пола (мужчина), родственных отношений (брат) и возраста (младший).

Но этого нельзя отметить в обращениях, связанных с поведением адресата речи. Так, адресатом обращения *хэамнь* ‘бедняга’, *кишго күн* ‘негодник’ может быть и мужчина, и женщина или даже ребенок, так как оно содержит только дифференцирующий семантический признак оценочной характеристики адресата адресантом.

Ниже приведена таблица, в которой показана частотность употребления слов в обращениях в зависимости от группы (табл. 1).

Таблица 1

Частотность применения слов в обращениях

Группы	Лексема	Пример на калмыцком языке	Перевод	Кол-во примеров
1. Лексемы, обозначающие степень родства	<i>аав</i>	Аав, аав, нанд өмсх зөвтэ бушмүд бээдв?	‘Отец, отец, есть ли бешмет, что мне впору придется?’	12
	<i>ээж</i>	«А-а, ээж минь», – дуута генә.	‘«А-а, ээдже моя!», – громко воскликнул он’.	18
	<i>ээж-аав</i>	«Ээж-аав цугтан менд амулц бээтн!» – геж келжэдг болна.	‘«Мать, отец, все [остальные], в благополучии пребывайте!» – сказал [мальчик]’.	1
	<i>ах</i>	Ах, нег үкр алж идий!» – гежәнә.	‘«Брат, давай одну корову забьем и съедем!» – говорит’.	3
	<i>дү</i>	«Көөрк дүм, яһв гилч?»	‘«Бедный мой младший брат, как он там?»’	3
	<i>эгч</i>	«Эгч, ундым өгэд, учрим суртн!»	‘«Сестра, жажду мою утолите, а после о причине расспросите!» – говорит’.	6
	<i>баав</i>	«Ах нойн баав, юн геед уульвч?» – геж келжәнә.	‘«Глубокочитимый баава, почему ты плакал?» – спрашивает’.	11
	<i>авһ</i>	«Көгшн авһ, энчн юн гидг юмб?» – генә.	‘«Старый дядюшка, что это такое?» – спрашивает’.	2
	<i>бер</i>	«Хааран оч йовнач, бер?» – генә.	‘«Куда направляешься, невестка?» – говорят’.	1
Итого:				57

⁵ Слово имеет два значения: 1. Черт, бес, дьявол; 2. употребляется как дружеское, фамильярное обращение. [13. С. 683]. В данном случае употребляется в обращении со значением 1.

⁶ Зүгдг – презр. проходимец, пройдоха [13. С. 59].

⁷ Доск – презр. плохой, паршивый [13. С. 208].

Продолжение табл. 1

2. Лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей	<i>өвгн</i>	«Өвгн, хамаран авч однач?» – геж баавһа сурв.	«Старик, куда понесешь?» – женщина спросила.	39
	<i>эмгн</i>	«Эмгн, йовтн!»	«Старуха, пойдете!»	14
	<i>залу</i>	Залу, намаг таньдвч?	«Мужчина, меня знаешь ли ты?»	16
	<i>көвүн</i>	Көвүн, шулуһар наар[а]н гү!» – геж келвэ, өвгн.	«Парень, скорее беги сюда!» – крикнул старик.	12
	<i>күүкн</i>	«Күүкн, ю хээвч?»	«Девушка, что ищешь ты?».	12
	<i>кукн</i>	Марс Хар баатр келнэ: «Кукн, чини ахчн би».	«Марс Хара богатырь говорит: «Дитя, твой брат я».	12
Итого:				105
3. Лексемы, обозначающие совокупность предметов, людей	<i>улс</i>	«Ик хол һазрас йовсн улс, зуурк ик дээсиг төшсн улс, танд нег эм бээвзэ?» – геж хан сурв.	«Вы, люди из далекой стороны, в пути одолевшие сильных врагов, может, у вас есть какое-нибудь лекарство?» – спросил хан.	3
Итого:				3
4. Имена собственные	<i>Гурвн бэрм</i>	Гурвн бэрм, ю хээвч?» – генэ.	«Гурван Бярем, что ищешь ты?» – спрашивает [тот].	2
	<i>Ухр өвгн</i>	Ухр өвгн, хамаһас йоввт?	Ухур старик, откуда вы едете?	4
	<i>Хойр бэрм</i>	«Хойр бэрм, заргднч?» – генэ.	«Хоёр Бярем, ко мне наймешься?» – спрашивает.	2
	<i>Нег бэрм</i>	«Нег бэрм, одак хойр күүкэн яһвч?» – геж келвэ.	«Неге Бярем, этих двух девочек куда ты дел?» – спрашивает.	9
	<i>Аю Чикт</i>	«Аю Чикт, дээсэн түшвч?» – геж хээкржэнэ.	«Аю Чиктя, одолел ли ты врага?» – крича от радости, [спросил тот].	3
	<i>Шар Курмн</i>	«Шар Курмн, өмнчн кен йомна?» – геж суржадг болна, көвүн.	«Шара Кюрмен, впереди тебя кто едет?» – спрашивает мальчик.	1
	<i>Намжл Бумб</i>	«Нээмн миңһн наста Намжл Бумб өвгн, ю хээвч?» – гежэнэ.	«Восьми тысяч лет от роду Намжил Бумба старик, что тебе нужно?» – говорят [ему].	3
	<i>Көк арсн</i>	Һэ болсн Көк арсн, өвгм үкж очлм, өвгим хаанла юн геед хэльдүлэд бээнэч?» гиһэд, эмгн орж ирдг болна.	«Несчастье навлекший, Серая шкура, старик мой умер ведь, почему моего старика сталкиваешь с ханом?» – так говоря, старуха вошла в дом.	1
	<i>Марс Хар</i>	«Нойн баатр Марс Хар мини, та намаг юн геед дарвт?» геед, көлднь мөргэд бээдг болна.	«Нойон богатырь Марс Хара мой, Вы меня за что придавили?» – так спросив, в ноги стал ему кланяться.	2
	<i>Бөөргин Бөкн Цаһан</i>	«Бөөргин Бөкн Цаһан, адуһичн хулхач авад йомна.	«Бёргин Бёкен Цаган, твой табун вор угоняет	1
	<i>Авха Цецг</i>	Авха Цецг мини!» – геж келчкэд харһнад киисэд окчадг болна.	«Авха Цецег моя!» – промолвив, чувств лишился.	3
Итого:				31
5. Лексемы, обозначающие социальный или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должности)	<i>манж</i>	«Манж, манж, энчн юмб?»	«Манджик, манджик, это что?»	3
	<i>гелң</i>	«Гелң, та арһлж чадх болвзат?» – геж келвэ.	«Гелюнг, вы можете нам помочь?» – говорят.	1
	<i>хан</i>	«Хан, Тана зэрлгиг күцэвв», – геж хаанд келвэ.	«Хан, Ваше повеление я выполнил», – говорит он хану.	3
	<i>лам</i>	«Лам, амр бээнт?», – генэ.	«Лама, в здравии ли пребываете?» – говорит.	1
	<i>нойн</i>	«Ах нойн баав, түрд гежэлхтн!»	«Глубокопочтимый нойон, погодите!»	6
	<i>тушмл</i>	Айһн түшмл мини, яхм билэвдн?	«Аянгү сановник, что же нам делать?»	4
Итого:				18

Окончание табл. 1

6. Лексемы, передающие коннотацию адресанта к адресату	<i>шулм</i>	«Һар, шулм!» – геед баавһа уурлжана.	‘«Выйди вон, шулма!», – рассердилась женщина’.	3
	<i>элмр</i>	Эрснчн эн билә, элмр!	‘Это то, что просили вы, негодники!’	2
	<i>Хэәмнь</i>	«А-а, хэәмнь!» – геж келж хө хулдсн орс.	‘«Ах ты, бедняга!» – говорит русский, продававший овец’.	9
	<i>көгшн зүгдг</i>	Уңгчн таср, көгшн зүгдг!	‘Ни роду ни племени не иметь тебе, старый недотепа!’	2
	<i>кишго күн</i>	Я-а, кишго күн, хама бэәнә?	‘Ах, негодник, где он?’	3
	<i>көгшн доско</i>	Ө-ө, көгшн доско, тиигж келдгчн юнб?	‘О-о, старый нищий, зачем ты так сказал?’	1
	<i>көөркс</i>	Нә, көөркс!	‘Ах, бедняги!’	4
Итого:				24
7. Лексемы, обозначающие природные объекты	<i>теңгр</i>	Теңгр, теңгр, эн кенә адунб?	‘Небо, небо, это чей табун?’	1
	<i>һазр</i>	Һазр, һазр, эн адун кенә адунб?	‘Земля, земля, это чей табун?’	1
				2
8. Лексемы, обозначающие животных	<i>Барс, һард, тул</i>	Уулын барс мини, оһтрһудк һард мини, усн дотр бээдг тул мини!	‘Барс мой, в горах живущий, орел мой, в небесах парящий, кит мой, в воде живущий!’	3
	<i>темән</i>	Темә, хаалһар чик йов!	‘Верблюд, по правильной дороге иди!’	1
				4
9. Безличные обращения	<i>чичәч</i>	Түүмрт «Һазрин чичәч, һазр чич!» – генә.	‘В огне находясь, [мальчик]: «Роющий землю, рой землю!» – сказал’.	1
	<i>балһач</i>	«Дала балһач, балһ!» – генә.	‘«Выбирающий [воду] из океана, выбери ее!» – велел он’.	1
	<i>Һар уга</i>	Һар уга, яһвч? Эмгиг бәрж аввч?	‘Безрукий, ну как ты? Старуху поймал?’	2
	<i>Сохр</i>	Сохр, чи эмг бәрж аввч?	‘Слепой, ты старуху поймал?’	1
	<i>Нүдн уга</i>	«Нүдн уга!» – геед, зальгад окна, нүдтә залу болад һарад ирв.	‘«Слепой!» – сказала она и [слепого] проглотила, зрячим мужчиной став, появился он’.	2
	<i>седкл</i>	Хээрн аавин хурдн алгиг алсн седкл, келсн күргән алсн седкл, хээрн седкл мини!	‘Несчастливого быстрого пегого отцовского скакуна убившая, жениха убившая, ничтожная душа моя!’	3
Итого:				10
ИТОГО:				254

По частоте употребления в конструкции обращений лидирующее место занимают лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей (108), термины родства (57) и имена собственные персонажей сказок (31). Из 85 выявленных нами имен персонажей сказок [9. С. 136] 44 используются в сказке как обращения. Все выявленные обращения в тексте сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом, имеют форму именительного падежа, собственно, как и в русских сказках.

Персонажи калмыцких сказок по своей сути универсальны (*күн* ‘человек’ (в 14 из 15 текстов), *көвүн* ‘мальчик’ и *эмгн* ‘старуха’ (в 13 текстах из 15), *куукн* ‘девушка’ (в 12), *өвгн* ‘старик’ (в 10) [9. С. 140]). Этим объясняется частотность употребления обращений.

В группе обращений-антропонимов выявлено, что для фольклорного текста не характерно наличие фамилий⁸ и уменьшительно-ласкательных личных имен⁹. Чаще всего здесь имена соответствуют прозвищам¹⁰: *Аю Чикт* ‘Медвежье ухо’, *Көж арси* ‘Серая шкура’ и т. д. Имена собственные в обращении могут употребляться в сочетании с титулом. В отличие от русского языка, титул употребляется после имени собственного: *Айңһ түшмл* ‘Аянгу сановник’, *Марс Хар баатр* ‘Марс Хар богатырь’ [18. С. 237]. Не выявлены в калмыцком языке формы имяобращения с нулевым окончанием существительного (мам, пап и др.), которые типичны, например, для русского языка. Не приняты в калмыцком языке и многочисленные формы обращения по имени, что характерно для русской языковой личности, когда у одного имени в зависимости от отношения и настроения к обращаемому может быть целый ряд словоформ: Таня, Тань, Танюша, Танюха, Танька и т. д. Экспрессивное словообразование имен в русском языке объясняется более широким диапазоном эмоционального отношения к собеседнику («своего рода широта русской души» [10. С. 77]), коммуникативное же поведение калмыков отличается от коммуникативного поведения русских, что отражается и в формах обращения¹¹.

Обращения с лексемой, связанной с поведением адресата речи, передают эмоционально-психологическое состояние говорящего: гнев, жалость, сочувствие, отвращение и т. д. Коннотацию положительной оценочности сочувствия имеют слова *хэамнь* ‘бедный’, *көөрк* ‘бедняга’, используемые в обращении. Отрицательная коннотация в обращении достигается с помощью инвективной лексики (*элмр*, *көгшин зүгдг*, *көгшин доско*), которая вызывает резко негативную реакцию у говорящего по отношению к адресанту¹².

Количество обращений с лексемами, обозначающих элементы природы (*теңгр* ‘небо’, *һазр* ‘земля’) и животных (*барс* ‘барс’, *һард* ‘орел’, *тул* ‘кит’, *темән* ‘верблюд’), незначительно, так как они встречаются в тексте только трех сказок (сказки №№ 9, 12 и 14). Единичны также обращения, условно называемые безличными обращениями: *һазрин чичэч* ‘роющий землю’, *дала балһач* ‘выбирающий [воду] из океана’, *һар уга* ‘безрукий’, *сохр* ‘слепой’, *һүдн уга* ‘слепой’ (сказки №№ 11 и 19).

В текстах сказок Г.И. Рамстедта активно используется устаревшая форма вежливости, до XX в. широко бытовавшая в калмыцком этикете:

Ах нойн баав, мөнд йоввт? ‘Глубокочтимый баава, благополучно ли приехали?’ [Сказка № 18]¹³.

Далее приводим частоту групп обращений в сказках в зависимости от их жанра (см. табл. 2).

В таблице показано, что наиболее частотной группой обращения во всех жанрах являются лексемы, обозначающие половозрастные признаки (в богатырских – 45,5 %, в волшебных сказках – 42,8, в бытовых – 29,7 %) и лексемы, обозначающие термины родства (31,8; 22,5 и 10,8 % соответственно). В сказках о животных (сказка №2) отсутствуют обращения.

Обращение в калмыцком языке, как и в любом другом языке, занимает различное положение в предложении:

- в препозиции: *Өвгн, герт орад унттн!* ‘Старик, зайдите в дом, там ночуйте!’ – сказал [хозяин] [Сказка № 9];

⁸ Как утверждает Л.Б. Олядыкова, у калмыков фамилии, как таковой, не существовало, а использовались двучленные именованные, состоящие из «формы родительного падежа имени отца и личного имени: Нарна Нимгр...» [20. С. 123].

⁹ Уменьшительно-ласкательное значение имени передается с помощью суффиксов: -хн – Дулахн; -эш – Цедэш (от Цедн); -ка – Харка (от Хар); -уш – Наруш (от Нарн); а также полностью может меняться слово вследствие замены другой буквой или отсутствия отдельного звука: Доож (от Дорж), Ууш (от Убуши) [См. 18].

¹⁰ В «Словаре русского языка» дается определение прозвища – это название, данное человеку и «содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.» [28. С. 657].

¹¹ Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности [29. С. 3].

¹² По мнению Г.В. Токарева, «оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотношения с культурными установками, стереотипами, фоновыми знаниями денотативно-сигнификативного компонента значения либо дескриптивных коннотативных сем» [30. С. 69].

¹³ Слово сочетание *ах нойн баав* является устойчивым в фольклорной традиции калмыков. Так, например, оно довольно часто используется при обращении к богатырям страны Бумбы в текстах песен эпоса «Джангар» [4. С. 39]. Известный лингвист Г.Ц. Пюрбеев считает, что данное выражение означает ‘батюшка-нойон’, ‘батюшка-князь’ [24. С. 141]. Вполне логичным является и утверждение Э. П. Бакаевой, что устаревшее значение слова ‘баав’ – ‘прародитель, мифический праотец калмыков’ [3. С. 47].

- в интерпозиции: *Һар, шулм, намаг алхар ирвч!* ‘Уйди, шулма, чтобы меня убить ты явился!’ [Сказка № 11];
- в постпозиции: *Аав юн гевэ, ээж?* ‘Отец что сказал, ээдже?’ [Сказка № 17].

Таблица 2

Частотность групп обращений в разрезе жанров сказок

	Группы обращений	Жанры сказок							
		Волшебные		Богатырские		Бытовые		Сказки о животных	
		Абс. кол-во	Относит. кол-во, %	Абс. кол-во	Относит. кол-во, %	Абс. кол-во	Относит. кол-во, %	Абс. кол-во	Относит. кол-во, %
1.	Лексемы, обозначающие степень родства	39	22,5	14	31,8	4	10,8	–	–
2.	Лексемы, обозначающие половозрастные признаки	74	42,8	20	45,5	11	29,7	–	–
3.	Лексемы, обозначающие совокупность предметов, людей	2	1,2	1	2,3	–	–	–	–
4.	Имена собственные	12	6,9	2	4,5	17	45,9	—	—
5.	Лексемы, обозначающие социальный или религиозный статус, род занятий (титулы, профессии, звания, чины и должности)	14	8,1	4	9,1	–	–	–	–
6.	Лексемы, передающие коннотацию адресанта к адресату	18	10,4	3	6,8	3	8,1	–	–
7.	Лексемы, обозначающие природные объекты	–	–	–	–	2	5,5	–	–
8.	Лексемы, обозначающие животных	4	2,3	–	–	–	–	–	–
9.	Безличные обращения	10	5,8	–	–	–	–	–	–
		173	100	44	100	37	100		

Частотность положения обращений в предложении выглядит следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Позиция обращений в предложении

Положение в предложении	Абсолютное количество	Относительное количество, %
Препозиция	190	74,8
Интерпозиция	55	21,6
Постпозиция	9	3,6
Итого:	254	100

Как видим из таблицы, по месту расположения обращение подавляющей частью занимает положение в препозиции, меньше – в интерпозиции и совсем редко – в постпозиции. Преимущественное положение обращения в препозиции объясняется тем, что это необходимо для осуществления коммуникативных связей в диалогической речи, для привлечения внимания персонажей сказок.

Если рассмотреть позиции обращений в предложении по жанрам сказок, то в препозиции чаще всего употребляются обращения в волшебных (134, или 70,5 %), реже встречаются в бытовых (32, или 16,9 %) и богатырских (24, или 12,6 %) сказках. В интерпозиции также большей частью находятся обращения в волшебных сказках (40, или 72,7 %), богатырские и бытовые составляют соответственно 11 (или 20 %) и 4 (или 7,3 %) ¹⁴.

Обращение может состоять как из одного слова (нераспространенное обращение), так и из двух, трех и более слов, то есть выражаться целым словосочетанием (распространенное обращение). Например:

1) нераспространенное обращение: *Күүкд, хамаран оч йомнат?* ‘Девушки, куда направляетесь?’ [Сказка № 18];

2) распространенное двучленное: *Көгин ээж, лам, ю зэрлг болв?* ‘Старая ээджи, что лама сказал вам?’ [Сказка № 15];

3) распространенное трехчленное: *Көлстэ мөртэ өвгн, цааран йовтн!* ‘На вспотевшей лошади едущий старик, подальше отсюда держитесь!’ [Сказка № 19];

4) распространенное многочленное: *Кесн ачиг хэрүлж чадш уга залус, ю кежэнт?* ‘Отблагодарить неумеющие мужчины, что же вы делаете?’ [Сказка № 21].

Нераспространенные обращения выражаются, как правило, именем существительным, совпадающим по форме с именительным падежом: *Көвүн, шулуһар нааран гү!* ‘Парень, скорее беги сюда!’ [Сказка № 12]. Значительно реже нераспространенное обращение может выражаться субстантивированным прилагательным: *Сохр, чи эмг бэрж авч?* ‘Слепой, ты старуху поймал?’ [Сказка № 11]. Однако это единственный пример употребления субстантивированного прилагательного в текстах сказок Г.Й. Рамстедта.

Калмыцкой речи в сказочном тексте для усиления характерных качеств персонажа свойственны очень длинные описательные обращения, характеризующие героя с различных сторон (25 примеров). Например: *Төөрсн бух болсн, төрсн һудль болсн, нүүртэн нүдтэ, нүдндэн цогта, шилндэн шилтэ, шилвндэн чимгтэ, зун герин зутаһул болсн, арвн герин андн болсн, нээмн герин нэр болсн, долан герин дүүрг болсн ноха, ю хээвч?» – геж келжэна, хан.* ‘Заблудшему быку подобный, мимо цели пролетевшей стреле подобный, на лице твоём глаза, а в глазах – искры, на загривке твоём сухожилия, а в голени – костный мозг, в ста домах позором клейменному подобный, в десяти домах опороченному подобный, в восьми домах потехой ставшему подобный, в семи домах нежеланным гостем ставшему подобный пес, что тебе надобно?» – говорит ему хан’ [Сказка № 19]. Наличие длинных описательных обращений, где дана подробная характеристика персонажа, служит средством выразительности сказочного текста и признаком сказки как эпического жанра устного народного творчества.

Обратимся к структурной классификации обращений (табл. 4).

Таблица 4

Классификация обращений по структуре

Структура обращений	Абсолютное количество	Относительное количество, %
Нераспространенные	163	64
Распространенные двучленные	45	18
Распространенные трехчленные	21	8
Распространенные многочленные	25	10
Итого:	254	100

Анализ текстов сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом, показал, что чаще всего (64 %) используются нераспространенные обращения. Это объясняется тем, что первоочередная цель обращения – выделить и назвать лицо (персонаж) или предмет, которому адресована речь.

¹⁴ Данные цифры не представляют объективной картины частотности положения обращений в предложении, так как количество сказок по жанрам не одинаково: волшебных сказок – 12, бытовых – 6, богатырских – 3, сказок о животных – 1.

Распространенные обращения содержат в себе элемент оценочности, отношения обращаемого к персонажу. Исследование структур двучленных и трехчленных обращений позволяет сделать следующие выводы (см. табл. 5 и 6):

Таблица 5

Структура двучленных обращений

Частеречная структура	Абсолютное количество	Относительное количество, %
Числ. + сущ.	15	33
Прил. + сущ.	13	29
Сущ. + сущ.	11	24
Сущ. + част. <i>yga</i>	3	7
Сущ. + мест.	3	7
Итого:	45	100

В составе двучленных обращений чаще всего используются конструкции имя числительное + имя существительное (33 %), имя прилагательное + имя существительное (29 %) и имя существительное + имя существительное (24 %):

- *Хойр ахм, яһад бээдг та?* ‘Два брата, как вы там?’ [Сказка № 11];
- *Көгшн авһ, энчн юн гидг юмб?* ‘Старый дядюшка, что это такое?’ [Сказка № 22];
- *Ягц эмгн, өмчн кен йомна?* ‘Ведьма-старуха, впереди тебя кто едет?’ [Сказка № 19].

Таблица 6

Структура трехчленных обращений

Структура	Абсолютное количество	Относительное количество, %
Сущ. + сущ. + сущ.	9	43
Прил. + сущ. + мест.	7	35
Числ. + прил. + сущ.	2	11
Прил. + прил. + числ.	1	5
Сущ. + сущ. + прил.	1	5
Сущ. + част. <i>yga</i> + сущ.	1	5
Итого:	21	100

В составе трехчленных обращений четко выделяются две группы наиболее часто встречающихся конструкций имя существительное + имя существительное + имя существительное (43 %) и имя прилагательное + имя существительное + местоимение (35 %), редко имя числительное + имя прилагательное + имя существительное (11 %):

- *Көлстә мөртә өвгн, цааран йовтн!* ‘На вспотевшей лошади едущий старик, подальше отсюда держитесь!’ [Сказка № 19];
- *Эңкр дүүнрмүд минь, бидн цуһар бичкн дүүдән дуртавидн.* ‘Дорогие братья мои, мы все нашего младшего брата любим’ [Сказка № 4];
- *Хойр көгшн доск, наадк мах апч идтн!* ‘Два старых негодника, возьмите и съешьте это мясо!’ [Сказка № 18].

Для обращений характерна специфическая звательная интонация. Если объект обращения находится на значительном расстоянии, то интонация звательности передается долготой гласного: «*Куукн-э! Мах буулһэ ав!*» – *геж хээкрэж дууджадг болна.* ‘«Сестра-а! Мясо принимай!» – криком стали звать ее’ [Сказка № 11].

Обращение может иметь при себе притяжательную частицу *мини* (*минь*) или аффикс притяжательного падежа:

- *Нә, күүкн мини, зуурк дэсн ик юмн...* – ‘Дитя мое, в пути много врагов встретится...’ (Сказка №18).
- «*А-а, ээж минь*», – дуута генә. – ‘«А-а, ээдже моя!», – громко воскликнул он’ [Сказка № 16].
- *Аавм, би авһин шулмиг дарнав.* ‘Отец мой, я шулму-колдуна убью!’ [Сказка № 22].

Для усиления звательной интонации применяется прием повторения обращений, который возникает в предложениях, где в качестве обращений употребляются термины родства (26) и элементы природы (2):

- «Өвгн, өвгн, юнд адһв?» – *геж келжэдг болна*. «Старик, старик, что заставило вас так спешить?» – спрашивает' [Сказка № 13];
- «Теңгр, теңгр, эн кенә адунб?» – *гиж сурв*. «Небо, небо, это чей табун?» – спросил' [Сказка № 9].

В отличие от других единиц речи обращение передает эмоции человека. Для эмоциональной окраски обращений в калмыцкой речи обычно используются междометия:

- *А-а, көөрк*, бичкн юмн болад ахан санхларн намаг наадлна билтэл. – *А-а, бедняжка*, маленький он еще, вспомнив брата, так надо мной пошутил, видимо. [Сказка № 16];
- *Я-а, хэәмнь, ода боли уга болв!* 'О-о, бедняжка, теперь ничего не получится!' [Сказка № 22];
- *Ө-ө, көгшин доско, тиигж келдгчн юнб?* 'О-о, старый нищий, зачем ты так сказал?' [Сказка № 13];
- *Йо, хэәмнь, тиим болхла һуйичн эдгэж өгсв*. 'О-о, милый ты мой, если так, то я бедро твое исцелю' [Сказка № 21].

Большинство исследователей считает, что в зависимости от конкретной речевой ситуации обращение может выполнять различные функции: фатическую, эмотивную, регулятивную.

Фатическая функция обращения заключается в установлении контакта между участниками речевого акта, в привлечении внимания собеседника. Для этого большей частью используются нераспространенные и двучленные обращения. Фативная функция оформляется через слова, обозначающие термины родства, названия людей и имени собственного и чаще находится в препозиции. Например:

- *Көгшин авһ, энчн юн гидг юмб?* 'Старый дядюшка, что это такое?' [Сказка № 22];
- *Залу, намаг таньдвч?* 'Мужчина, меня знаешь ли ты?' [Сказка № 9];
- *Гурвн бэрм, ю хэävч?* – *Гурван Бярем*, что ищешь ты? [Сказка № 6].

Повторение обращения служит дополнительным средством привлечения внимания говорящего: *Ээж, ээж, маниг яһснтн энв?* 'Эддже, эддже, что же сделали вы с нами?' [Сказка № 22].

Демонстрация субъективно-психологического отношения к адресату является *эмотивной функцией* обращения, которая реализуется посредством эмоционально-оценочной лексики:

- *Уңгчн таср, көгшин зүдг!* 'Ни роду ни племени не иметь тебе, старый недотеп!' [Сказка № 13].
- *«Я-а, кишго күн, хама бэәнә?* 'Ах, негодник, где он?' [Сказка № 15].

Хот-хоолан ууһад эрт эмгндән курич, хэәмнь! 'Поев, скорее к старухе возвращайся, бедняга!' [Сказка № 12].

В задачи *регулятивной функции* обращения входит побуждение говорящего (адресанта) управлять поведением, стимулировать к действию собеседника (адресата). Данная функция оформляется с помощью имени собственного или слов, отражающих статусные отношения. Например:

- *Нег бэрм, нег хө авад ир!* 'Неге Бярем, одну овцу принеси!' [Сказка № 6].
- *Айһһ түшмл, бидн яахм билэвидн?* 'Аянгу-сановник, что нам делать?' [Сказка № 22].

Следует отметить различие форм обращения в зависимости от социальных ролей адресанта и адресата, их положения на иерархической лестнице (старший/младший, высший/низший, начальник/подчиненный), которые определяются такими параметрами как родственные отношения, соотношение возрастов, пол, социальное положение и т. д.

Рассмотрим как родственные и возрастные отношения коммуникантов влияют на характер обращения. Позиционная роль коммуникантов старший/младший в обращениях ясно выделяется потому, что степеням родства в калмыцком языке соответствует четкая семейная иерархия. Так, например, старший брат – *ах*, младший брат – *дү*, старшая сестра – *эгч*, младшая – *дү куукн*, при этом в обращениях адресант может и не указываться, но подразумеваться. К примеру, в следующем предложении нет адресата (кто спросил?), но по характеру обращения следует утверждать, что им является *дү* (младший брат), так как только младший по возрасту брат может обращаться к адресанту *ах* (старший брат):

«*Ах, танд эн хан куукән яһж өгвә?*» – *геж келвә*. «Брат, вам этот хан как свою дочь в жены отдал?» – так спросил' [Сказка № 5].

Это же утверждение относится и к следующим предложениям:

Көөрк дүм, яһв гилч? 'Бедный мой младший брат, как он там?' [Сказка № 5] (адресатом является *ах* старший брат).

Эгч, ундым өгэд, учрим суртн! ‘Сестра, жажду мою утолите, а после о причине расспросите!’ [Сказка №11] (адресатом является младший по возрасту брат)

В обращениях могут отражаться родственные отношения аав – көвүн (отец – сын), ээж – көвүн (мать – сын), аав – күүкн (отец – дочь), ээж – күүкн (мать – дочь). В текстах Г.Й. Рамстедта коммуникантами в обращениях являются аав – көвүн (отец – сын), ээж – көвүн (мать – сын):

Аавдан күрч ирэд келвэ: «Аав, аав, намаг йов’ гу!» ‘К отцу придя, сказал: «Отец, отец, разрешите мне ехать!»’ [Сказка №15].

«Ээж, ээж, хан күүнэ элчиг хурвудлдг биш» гегж келэд көвүн һарад йомна. ‘«Ээдже, ээдже, хан посланцев трижды не отправляет», – сказал сын и отправился [за ними]’ [Сказка №21].

В калмыцком языке не существует дивергенции именования родителей при обращении к ним. Так, например, вокатив *аав* является единственным вариантом обращения к отцу¹⁵:

Аав, йомнэв, Хурмстн теңгрэ тал йомнэв ‘Отец, поеду я, к Хормуста-тенгрию поеду’ [Сказка №18].

Но вокатив *ээж* и *аав* могут репрезентировать и отношение к посторонним (неродственным) лицам: младшего по возрасту человека к более старшей по возрасту женщине, как например, в русском языке человек старшего поколения может обратиться к молодому – сынок, равно как и молодой человек к пожилому – мать. Такие же случаи наблюдаются и в калмыцком языке. Так, например, адресантами обращения к *ээж* являются персонажи, не находящиеся в родственных отношениях: көвүн ‘мальчик’, хойр көвүн ‘два мальчика’, хурвн көвүн ‘три мальчика’, ямана сүл ‘хвост овцы’, Көк арсн ‘Серая шкура’, которые по возрасту являются моложе, чем адресат:

Ээж, мах буулхэ ав!» – гегж көвүн келвэ, темэнэ гесн дотр. ‘Ээдже, мясо принимай!» – крикнул мальчик из чрева верблюда’ [Сказка №14].

Хойр көвүн суржана: «Көгшин ээж, лам, ю зэрг болв?» – генэ. ‘Два мальчика спрашивают: «Старая ээджи, что лама сказал вам?»’ [Сказка №22].

«Ээж, үүнд нег өвгн ирв угай?» – гиж суржэдг болна. ‘Еще не войдя в дом, спрашивают: «Ээджи, сюда один старик не приходил?»’ [Сказка №12].

Тулхин шиир деер бэгсн ямана сүл келжэнэ: «Ээж, ээж намаг бичгэ булж ид!» ‘В это время висевший козий хвост говорит: «Ээдже, ээдже, не запекай, не ешь меня!»’ [Сказка №14].

Көк арсн келжэнэ: «Я–а, ээж, түүнд санаһан бичгэ зовтн!» ‘Серая шкура говорит: «Ээдже, за это не переживайте!»’ [Сказка №17].

Вокативы *күүкн* и *көвүн* в качестве обращения к дочери и сыну используются в тексте сказок крайне редко. В предложении вокатив *күүкн* часто адресуется к сестренке, младшей сестре:

«Күүкн, мах буулхэ ав!» — генэ. ‘«Сестренка, мясо принимай!» — говорят [три брата]’ [Сказка №11].

Вокатив *көвүн* может репрезентировать неродственное отношение пожилого человека к более юному:

«Көвүн, ю хээлэч?» — гегж эмгн келвэ. ‘«Сынок, что ищешь ты?» – спрашивает старуха’ [Сказка №18].

Вокативы *эмгн* ‘старуха’ и *өвгн* ‘старик’ могут репрезентировать родственные отношения муж – жена:

Эмгн келвэ: «Эр күн эрдмтэ болдг, өвгн, йовтн зуг!» – гегж келвэ. ‘Старуха говорит ему: «Мужчина находчивым бывает, старик, отправляйтесь же!» – говорит’ [Сказка №13].

Эмгндэн келжэдг болна: «Эмгн, эмгн, аңһучлад һарад йовв. ‘Старухе своей он рассказывает: «Старуха, старуха, вот отправился я на охоту» [Сказка №13].

Позиционная роль коммуникантов высший/низший, начальник/подчиненный также можно выделить в обращениях.

Ах нойн баав, мэнд йоввт? ‘Глубокочтимый баава, благополучно ли приехали?’ [Сказка №18].

Гелң, та арһлжэ чадх болвээт? – гегж келвэ. ‘Гелюнг, вы можете нам помочь? – говорят’ [Сказка №11].

Таким образом, обращение отражает роли коммуникантов, выражая соотношение родственных и статусных отношений, их возраста и пола.

¹⁵ В калмыцком языке *отец* может переводиться словом *эцк*, но при обращении оно не употребляется.

5. Выводы

1. Анализ материала исследования показывает, что в качестве обращения в текстах сказок, записанных Г.И. Рамstedтом, выступает определенный ряд слов: имена собственные (*Аю Чикт, Шар Курмн* и др.), термины родства (*авһ, дү, эгч, ээж*), слова, обозначающие половозрастные признаки персонажей (*көвүн, күүкн, эмгн, өвгн, залу*), слова, связанные с поведением адресата речи (*шулм, элмр*), с обозначением социального статуса или рода занятий (*манж, түшмл, хан*), с обозначением элементов природы (*теңгр, һазр*) и животных (*темән, барс*), условно называемые безличные обращения (*һазрин чичэч, дала балһач*). Лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей, термины родства, и имена собственные персонажей сказок наиболее часто употребляются в качестве обращений.

2. Обращения чаще всего встречаются в волшебных сказках, и это вполне объяснимо: сюжет этих сказок более динамичен, что обусловлено большим количеством персонажей, а соответственно и обращений, введенных в структуру диалогической речи.

3. В текстах богатырских сказок, в отличие от других жанров сказок, встречаются чаще в качестве обращений лексемы, обозначающие половозрастные признаки и термины родства.

3. Обращения в калмыцком языке могут занимать различное положение в предложении, но чаще всего они стоят в препозиции, что необходимо для привлечения внимания и установления контакта в процессе общения между участниками диалога. Препозиционное положение обращений чаще встречается в волшебных сказках

4. С точки зрения структуры в текстах сказок на калмыцком языке чаще всего используются нераспространенные и распространенные двучленные обращения. Это объясняется тем, что выделение персонажа или предмета, которому адресована речь, является первоочередной целью обращения. Для калмыцкой речи характерно также наличие распространенных многочленных обращений, служащее средством выразительности и усиления характерных качеств персонажа.

5. В фольклорных текстах обращение выполняет самые различные функции в процессе диалогического общения: фативную, эмотивную, регулятивную.

6. В обращении используются такие фонетические, лексические и грамматические средства и приемы, как долгота гласного, междометия, повторы, притяжательные частицы.

7. Социальная роль коммуникантов, их социальный статус, возрастные и этнические особенности влияют на различие форм обращений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артаев С.Н. Обращение как средство адресации в выражениях калмыцкого речевого этикета // Научная мысль Кавказа. 2008. № 5 (спецвыпуск). С. 157-159.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Бакаева Э.П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
4. Баянова А.Т., Бутаева А.О., Горяева Б.Б., Куканова В.В. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной картины мира (на материале записей Г.И. Рамstedта) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XV Всероссийской науч. конф. (г. Уфа, 19–21 нояб. 2015 г.). Уфа: [б. и.], 2015. С. 37-42.
5. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1978. 438 с.
6. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 537 с.
7. Виноградов В.В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. 414 с.
8. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1987. 129 с.
9. Горяева Б.Б., Баянова А.Т., Бутаева А.О., Куканова В.В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамstedтом // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128-140.
10. Жданова Ю.В. Лингвокультурологический анализ форм обращения на занятиях РКИ в японской аудитории // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. Педагогика. Психология. Философия. 2017. №1 (5). С. 77-82.
11. Звягинцева В.В. Обращение в семейном дискурсе: дисс. канд. филол. наук. Курск, 2011. 147 с.
12. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: Наука, 2002. 400 с.
13. Калмыцко-русский словарь / под. ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.

14. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
15. Лотман Ю.М. Текст и функция // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 703 с.
16. Мизин О.А. Функции обращения в современном русском языке // Вопросы методики преподавания яз. и лит-ры. Минск, 1973. С. 36-47.
17. Минина О.Г. Обращение в английском языке (коммуникативно-прагматический аспект): дисс. канд. филол. наук. Белгород, 2000. 202 с.
18. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. Элиста: АУ РК «Изд. Дом «Герел», 2012. 255 с.
19. Наумова И.М. Статус обращения в поэтической речи XIX века: на материале текстов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: Изд-во БГУ, 2000. 21с.
20. Олядыкова Л.Б. Отчества и фамилии у калмыков // Юг России: культурно-исторический феномен: сб. науч. ст. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С.121–134.
21. Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 263 с.
22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
23. Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1971. 88 с.
24. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
25. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
26. Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения // Семантика и прагматика синтаксических единств. Межвузовский тематический сборник. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1981. С. 76–86.
27. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: автореф. дис. ...канд.филол.наук. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1980. 15 с.
28. Словарь русского языка. Т. III. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. 992 с.
29. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Изд. 2-е, испр. Воронеж: Гарант, 2015. 52 с.
30. Токарев В.Г. Лингвокультурология: учеб. пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
31. Тоценко Г.В. Лексическая структура, синтаксические свойства и основные функции обращения (на материале испанского языка): автореф. дис. канд. филол. наук. Киев: Изд-во КГУ, 1990. 24 с.
32. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 213 с.
33. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
34. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
35. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155-237 s.

Поступила в редакцию 08.11.2018

Баянова Александра Тагировна, заведующий научной библиотекой и архивом им. П.Э. Алексеевой
ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8
E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

A.T. Bayanova

THE CATEGORY OF APPEAL AND WAYS OF ITS EXPRESSION IN THE KALMYK LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF FAIRYTALES IN THE RECORDING OF G.J. RAMSTEDT)

This article deals with the functioning of appeals as a grammatical category in the Kalmyk language. The relevance of the research is that the form of appeal is closely connected with the national picture of the world, which is the basis for a worldview, a complete and organic view of the world of a certain national community. The peculiarities of the mentality of the people, the distinctive national and cultural features leave a special mark on the specifics of appeals in the Kalmyk language.

Authentic texts of Kalmyk fairytales in the recording of Finnish scholar G.J. Ramstedt, who made an expedition to the Kalmyk steppe in the early twentieth century to collect and study the folklore of the Kalmyks, served as the basis for studying the language category in question.

As a result of the analysis, patterns of application of appeals in the folklore text and ways of its expression are revealed. The author gives a classification of appeals based on the general semantics of lexemes, as well as the frequency of use of the identified groups of tokens in the design of an appeal, depending on the genre of a tale. The positions of appeals in the proposal are analyzed and the prepositional position of the vocatives is justified. Phonetic, lexical and grammati-

cal means and techniques used in appeals are considered: vowel length, repetitions, presence of interjections and possessive particles. Structural features of an appeal have been studied; the frequency of uncommon and widespread two-membered appeals has been revealed and justified. Within the framework of the widely studied in the last decade problems of intercultural communication, speech behavior and etiquette, the study of the category of appeals as an important communicative unit of the language evokes an undeniable interest in the philological science from the point of view of communication theory and linguistic and cultural studies.

Keywords: Kalmyk language, Kalmyk fairy tale, folklore text, category of appeal, cultural linguistics, lexeme, G.J. Ramstedt, frequency of appeals, widespread appeal, uncommon appeal.

REFERENCES

1. Artaev S.N. Obrashchenie kak sredstvo adresacii v vyrazheniyah kalmyckogo rechevogo ehtiketa [Treatment as a means of addressing in terms of the Kalmyk speech etiquette] // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2008. № 5 (specvypusk). S. 157-159. (In Russian).
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic vocabulary]. M.: Sov. Enciklopediya, 1966. 608 s. (In Russian).
3. Bakaeva E.P. Sakral'nye kody kul'tury kalmykov [Sacred Kalmyk culture codes]. Elista: IKIAT, 2009. 159 s. (In Russian).
4. Bayanova A.T., Butaeva A.O., Goryaeva B.B., Kukanova V.V. Dialektnaya leksika v skazkah kak otrazhenie regional'noj kartiny mira (na materiale zapisej G.J. Ramstedta) [Dialect vocabulary in fairy tales as a reflection of the regional picture of the world (on the material of G.Y. Ramstedt notes)] // Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: mat-ly XV Vserossijskoj nauch. konf. (g. Ufa, 19–21 noyab. 2015 g.). Ufa: [b. i.], 2015. S. 37–42. (In Russian).
5. Valgina N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of modern Russian language]. 2-e izd. M.: Vyssh. shkola, 1978. 438 s. (In Russian).
6. Vvedenskaya L.A. Russkij yazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie dlya vuzov [Russian language and culture of speech: a textbook for universities]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000. 537 s. (In Russian).
7. Vinogradov V.V. Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka [Syntax issues of the modern Russian language]. M.: Uchpedgiz, 1950. 414 s. (In Russian).
8. Gol'din V.E. Obrashchenie: teoreticheskie problem [Appeal: theoretical problems]. Saratov: Izd-vo Saratovsk. un-ta, 1987. 129 s. (In Russian).
9. Goryaeva B.B., Bayanova A.T., Butaeva A.O., Kukanova V.V. Frejmtarij personazhej kalmyckoj skazochnoj tradicii (na primere skazok, zapisannyh G. J. Ramstedtom) [The frame of characters of the Kalmyk fairy-tale tradition (on the example of fairy tales recorded by G. Ramstedt)] // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. 2015. № 2. S. 128–140. (In Russian).
10. Zhdanova Y.V. Lingvokul'turologicheskij analiz form obrashcheniya na zanyatijah RKI v yaponskoj auditorii [Linguo-culturological analysis of the forms of address in the classes of RCTs in the Japanese audience] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Ser. Pedagogika. Psihologiya. Filosofiya. 2017. №1 (5). S. 77–82. (In Russian).
11. Zvyagintseva V.V. Obrashhenie v semejnomoj diskurse [Treatment in family discourse]: diss. kand. filol. nauk/ Kursk, 2011. 147 s. (In Russian).
12. Zueva T.V., Kirdan B.P. Russkij fol'klor: uchebnyj dlya vysshih uchebnyh zavedenij [Russian folklore: textbook for higher educational institutions]. M.: Flinta: Nauka, 2002. 400 s. (In Russian).
13. Kalmytsko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary] / pod. red. B.D. Munieva. M.: Russkij yazyk, 1977. 764 s. (In Kalmyk).
14. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / pod red. V.N. Yarsevoj. M.: Sov. ehnciklopediya, 1990. 682 s. (In Russian).
15. Lotman Yu.M. Tekst i funkciya [Text and function] // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb., 2001. 703 s. (In Russian).
16. Mizin O.A. Funkcii obrashcheniya v sovremennom russkom yazyke [Functions of address in modern Russian] // Voprosy metodiki prepodavaniya yaz. i lit-ry. Minsk, 1973. S. 36–47. (In Russian).
17. Minina O.G. Obrashhenie v anglijskom yazyke (kommunikativno-pragmaticheskij aspekt) [Appeal in English (communicative-pragmatic aspect)]: diss. kand. filol. nauk. Belgorod, 2000. 202 s. (In Russian).
18. Monraev M.U. Kalmyckie lichnye imena (semantika) [Kalmyk personal names (semantics)]. Izd. 3-e, pererab. Elista: AU RK «Izd. Dom «Gerej», 2012. 255 s. (In Russian).
19. Naumova I.M. Status obrashcheniya v poehticheskoj rechi XIX veka: na materiale tekstov A.C. Pushkina, M.Y. Lermontova, A.A. Feta, F.I. Tyutcheva, E.A. Baratynskogo [The status of circulation in the poetic speech of the XIX century: on the material of texts A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, A.A. Fet, F.I. Tyutchev, E.A. Baratynsky]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod: Izd-vo BGU, 2000. 21s. (In Russian).

20. Olyadykova L.B. Otchestva i familii u kalmykov [Patronymic and surnames of Kalmyks] // Yug Rossii: kul'turno-istoricheskij fenomen: sb. nauch. st. Elista: APP «Dzhangar», 2004. S.121–134. (In Russian).
21. Ochirov U.U. Grammatika kalmytskogo yazyka. Sintaksis [The grammar of the Kalmyk language. Syntax]. Elista: Kalmgosizdat, 1964. 263 s. (In Russian).
22. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. 7-e izd. M.: Uchpedgiz, 1956. 511 s. (In Russian).
23. Pronichev V.P. Sintaksis obrashcheniya [The syntax of the appeal]. L.: Izd-vo Leningradsk. un-ta, 1971. 88 s. (In Russian).
24. Pyurbeev G.C. Tolkovyj slovar' tradicionnogo byta kalmykov [Explanatory dictionary of traditional life of Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1996. 176 s. (In Russian).
25. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Prosveshchenie, 1976. 543 s. (In Russian).
26. Ryzhova L.P. Kommunikativnye funkcii obrashcheniya [Communicative functions of treatment] // Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv. Mezhvuzovskij tematicheskij sbornik. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t, 1981. S. 76–86. (In Russian).
27. Ryzhova L.P. Obrashchenie kak komponent kommunikativnogo akta [Appeal as a component of a communicative act]: avtoref. dis...kand.filol.nauk. M.: Izd-vo MGPIIYA, 1980. 15 s. (In Russian).
28. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. T. III. M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj, 1959. 992 s. (In Russian).
29. Sternin I.A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya [Communicative Behavior Models]. Izd. 2-e, ispr. Voronezh: Garant, 2015. 52 s. (In Russian).
30. Tokarev V.G. Lingvokul'turologiya: ucheb. Posobie [Cultural linguistics]. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2009. 135 s. (In Russian).
31. Tocenko G.V. Leksicheskaya struktura, sintaksicheskie svojstva i osnovnye funkcii obrashcheniya (na materiale ispanskogo yazyka) [Lexical structure, syntactic properties and basic functions of the appeal (on the material of the Spanish language)]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Kiev: Izd-vo KGU, 1990. 24 s. (In Russian).
32. Formanovskaya N.I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. M.: Rus. yaz., 2002. 213 s. (In Russian).
33. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. L.: Uchpedgiz, 1941. 620 s. (In Russian).
34. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G.J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s. (In German).
35. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G.J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s. (In German).

Received 08.11.2018

Bayanova A.T., Head of Scientific Library and Archive of P.E. Alekseeva
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Ilshkina st., 8, Elista, Russia, 358000
E-mail: ale-bayanova@yandex.ru